

ПРОЦЕССЫ ИДИОМАТИЗАЦИИ И ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В НЕСТАНДАРТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

Апресян В. Ю. (vapresyan@hse.ru)

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва, Россия;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

В статье проводится корпусное исследование конструкции вида *к-слово+ни X, P* (*Как ни трудно, надо стараться, Куда ни сунешься — везде отказ*) как представителя особого класса синтаксических объектов — нестандартных конструкций, которое позволяет сформулировать следующие их свойства. Во-первых, большой процент всех встретившихся в корпусе реализаций конструкции составляют сочетания с одной или несколькими лексемами-«фаворитами» (*как ни странно, как ни старался, что ни говори, куда ни глянь* и пр.). Такая же тенденция обнаруживается и у других нестандартных конструкций (*ХХ-ом, при всем X-е, X-овый X-овый*). Во-вторых, нестандартные конструкции не композициональны — их интерпретации сильно зависят от частеречных и семантических свойств лексем-«фаворитов». Наконец, реализации с некоторыми лексемами-«фаворитами» идиоматизируются и грамматикализируются, «откалываясь» от порождающей конструкции (*куда ни плюнь, как волка ни корми* и т.п.). На выбор лексем-«фаворитов» влияет взаимная аттракция (семантическое согласование) семантики конструкции и семантики заполняющей лексики, а также особенности языковой картины мира, в которой отражены общие законы мироустройства, представленные в языке.

Ключевые слова: нестандартная конструкция, синтаксическая фраза, валентность, сочетаемость, частотность, лексемы-«фавориты», идиоматизация, грамматикализация

---

¹ Исследование поддерживалось грантом Программы фундаментальных исследований подразделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Создание электронной базы данных по Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» (2012–2014) и грантом НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ «Разработка материалов для Активного словаря русского языка» (2014–2015). В данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

IDIOMATIZATION AND GRAMMATICALICATION IN NON-STANDARD CONSTRUCTIONS

Apresjan V. Yu. (vapresyan@hse.ru)

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia

The paper is a corpus research of the Russian construction *wh-word + negative particle X, P* (as in *Kak ni trudno, nado starat'sja* 'However difficult, one has to try'; *Čto on ni prosil, vse emu davali* 'Whatever he asked for, he was given') as a typical representative of a certain class of syntactic objects, namely, non-standard constructions, which reveals the following properties: 1) only one or several lexemes ("favorites") account for up to a half of all encountered realizations; 2) non-standard constructions are non-compositional; 3) realizations with certain "favorites" result in idiomatization and grammaticalization of particular expressions which become separated from the "mother" construction. The choice of "favorites" is triggered by the process of mutual semantic attraction: the interaction of the construction semantics and the semantics of filler lexemes. This choice is also influenced by the linguistic worldview typical of a particular language.

Key words: non-standard construction, syntactic phraseme, valency, combinatory properties, frequency, "favorite" lexemes, idiomatization, grammaticalization

Введение

В данной статье на примере корпусного анализа конструкции вида *κ-слово*² + *ни* + *X, P* (*Как ни старался, ничего не вышло*) рассматриваются общие явления и процессы, связанные с заполнением валентностей нестандартных конструкций, а также их идиоматизацией и грамматикализацией. Несмотря на огромное количество литературы, посвященной конструкциям, в первую очередь, в рамках грамматики конструкций и теории «Смысл-Текст», практически не существует работ, где проводится корпусный анализ частотностей лексемного заполнения переменных в конструкциях (за исключением работ в рамках проекта Rusgram). Представляется, что такой подход дает возможность обнаружить

---

² Под *κ-словами* понимаются, как и в работе [Июмдин 2010] местоимения *кто, что, какой, как* и т. д.

явления в области взаимодействия синтаксиса и семантики, а также в области идиоматики, которые не заметны при рассмотрении конструкции на материале нескольких реализаций.

В классификации типов синтаксических конструкций мы опираемся на работу [Иомдин 2010], выделяющую три типа конструкций — стандартные, или конструкции «большого синтаксиса», и конструкции малого синтаксиса, которые делятся на нестандартные конструкции и синтаксические фраземы³. Наше понимание различий между этими тремя типами конструкций во многом, но не полностью совпадает с пониманием, представленным в работе Л. Л. Иомдина. Ниже представлены основания для разделения этих трех типов синтаксических объектов.

В существующей лингвистической литературе для классификации фразеологических синтаксических единиц обычно используются следующие параметры: степень композициональности [Fillmore et al. 1988], [Nunberg, Sag & Wasow 1994], [McGinnis 2002], [Mateu and Espinal 2007]; наличие переменных [Fillmore et al. 1988], [Jackendoff 1997]; частотность и степень лексикализации [Иомдин 2010].

Наличие переменных позволяет отличить синтаксические фразеологические единицы от лексических (идиом): и стандартные конструкции, и нестандартные конструкции, и синтаксические фраземы имеют переменные, т. е. варьирующиеся компоненты и, соответственно, не-единственную реализацию.

Стандартные синтаксические конструкции наиболее композициональны и частотны и наименее лексикализованы, однако полная композициональность и отсутствие лексикализации не постулируется даже для них. Ср., например, семантически мотивированные сочетемостные ограничения на заполнение сочинительной конструкции (X и Y), где сочиняемые члены X и Y должны иметь некоторое общее основание для сопоставления; так, вне контекста неуместны фразы типа *снег и макароны (при нормальности фразы, где такое основание создается *Я ненавижу две вещи — снег и макароны*)⁴. Что касается лексикализации, то хотя количество возможных вариантов заполнения сочинительной конструкции никак не ограничено, существуют некоторые устойчивые пары X -ов и Y -ов; ср. *снег и град, студенты и школьники, овощи и фрукты, молодая*

³ Эта типология пересекается, но не совпадает с типологией синтаксических конструкций, предложенной в теории «Смысл-Текст»; ср. [Иорданская, Мельчук 2007: 300–301], где не проводится специального различия между нестандартными конструкциями и синтаксическими фраземами. Под понятие «синтаксической» фраземы, как она выделяется в работе Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, подпадает семантически некомпозициональная часть «нестандартных конструкций» и «синтаксических фразем» в смысле Л. Л. Иомдина.

⁴ Вообще семантические ограничения на сочетания конъюнктов в сочинительной конструкции — это отдельная огромная тема; не пытаюсь осветить ее в пределах данной работы, отсылаем читателя к разделам 3.3.1 и Библиография в статье О. Е. Пекелис «Сочинение» в онлайн-проекте rusgram.ru. Здесь упомянем в этой связи лишь работы [Лауфер 1987] и [Санников 1989], где обсуждаются ограничения на заполнение элементов сочинительной конструкции для русского языка.

и красивая, чуткий и внимательный и т. п., где появление в контексте X-а с некоторой степенью вероятности предсказывает появление Y-а⁵.

Стандартным конструкциям противопоставлены синтаксические фраземы — сильно лексикализованные единицы, имеющие очень ограниченное число реализаций (обычно в пределах десятка или двух) в силу сильно специализированной семантики и жестких сочетаемостных ограничений на заполнение переменных, которые заполняются лексемами из одного узкого семантического класса. Таковы, например, фраземы с X-а на X (*со дня на день, с минуты на минуту, с часа на час*); X в X (*минута в минуту, секунда в секунду, час в час, день в день*); из X-а в X (*из конца в конец, из угла в угол, из комнаты в комнату*). Синтаксические фраземы могут иметь разную степень частотности и композициональности, однако заполнение переменных у них высоко лексикализовано. Отличие нашего понимания синтаксических фразем от того, которое представлено в работе [Июмдин 2010] состоит в критерии лексикализации: мы считаем синтаксическими фраземами те конструкции, в которых высоко лексикализовано заполнение переменных, независимо от того, сколько фиксированных лексических элементов есть в самой конструкции (их может и не быть вовсе); в работе [Июмдин 2010] под синтаксическими фраземами понимаются такие единицы, у которых лексически зафиксировано не менее двух элементов, при этом есть переменная (или переменные). Приведем пример: в нашем понимании синтаксической фраземой является конструкция *быть X-у Y-овым Z-ом* (*Она была ей хорошей матерью*), хотя в ней лексически фиксирован только один элемент (связочный глагол *быть*). Однако разумно считать ее фраземой, поскольку заполнение переменных X, Y и Z очень ограничено. Так, прилагательное *Y-овый* может выражать только хорошую или плохую оценку (*прекрасный, отличный, настоящий, верный, плохой, никудышный* и прочие (ANTI)MAGN-ы и (ANTI)BON-ы).

Существительные X и Y — это реляционные имена, симметричные термины близкого родства или постоянных личных отношений (*муж-жена, брат-сестра, ребенок-родитель, спутник-спутница, друзья, подруги*); ср. *Он был ей хорошим мужем* <сыном, братом>, *Она была ему хорошей женой* <дочерью, спутницей>, *Она была мне верной подругой, Он был мне прекрасным другом*, но не **Она была им профессиональной учительницей*; **Она была ему компетентной сотрудницей*; **Он был нам прекрасным заведующим*; **Он был хорошим любовником жене своего друга*. С другой стороны, такие единицы как *мало* + к-слово X (*мало кто, мало что, мало какой* и т. п.) мы считаем нестандартными конструкциями, хотя в них лексически фиксировано два элемента, поскольку они позволяют практически неограниченное заполнение переменной X.

Итак, нестандартные конструкции занимают промежуточное положение: с одной стороны, их значение и, соответственно, сочетаемость существенно уже, чем у стандартных конструкций, с другой стороны, они имеют намного более

⁵ Об устойчивых сочинительных сочетаниях такого рода см. раздел 4.1 в статье О. Е. Пекелис «Сочинение» в онлайн-проекте rusgram.ru, где в этой связи упоминаются, в том числе, работы Лауфер [1987], [Санников 1989] и [Урысон 2011].

широкие значения и значительно более гибкую сочетаемость, чем синтаксические фраземы, т. е. лексическое заполнение их переменных потенциально бесконечно и ограничено лишь очень широкими семантическими классами.

Корпусное исследование частотностей и семантики различных реализаций (вариантов заполнения валентностей) нестандартной конструкции *к-слово + ни X, Р* обнаруживает интересные закономерности, которые позволяют сформулировать гипотезы о некоторых общих лингвистических тенденциях: 1) о механизмах образования некоторых типов идиом; 2) о механизмах грамматикализации; 3) о правилах семантического согласования между синтаксическими и лексическими единицами; 4) об общих законах мироустройства, представленных в языке.

1. Реализации и интерпретации конструкции *к-слово + ни X, Y* с разными *к-словами*

В конструкции *к-слово + ни X, Р* есть три вариативных элемента — *к-слово*, *Х* и *Р*: Как [*к-слово*] мы ни уговаривали [*Х*] его, он отказался [*Р*]; Сколько [*к-слово*] мы с ним ни возились [*Х*], толку не вышло [*Р*].

Данная конструкция реализуется со всеми *к-словами* (*как, что, сколько, куда, кто, какой, где, когда, откуда*), кроме *зачем*. Три встретившиеся в корпусе примера с *зачем* содержат частицу *бы* и, соответственно, представляют собой реализации другой, хотя и близкой, конструкции *к-слово + бы + ни X, Р* и здесь не рассматриваются: *Зачем бы он ни явился сюда, он здесь, перед нею* (Н. Шпанов).

Реализации этой конструкции представлены пятью типами единиц, между которыми не всегда существуют строгие границы:

- а) Грамматикализованные единицы (серия неопределенных местоимений на *-нибудь*);
- б) Идиомы (*Куда ни кинь, везде клин*);
- в) Устойчивые коллокации (*Как он ни старался, ничего не вышло*);
- г) Свободные сочетания (*Как жена ни расспрашивала, он ничего ей не сказал*);
- д) Соерсіон⁶, или «давление синтаксиса на семантику»⁷ (*Как она ни копала налоговую отчетность, все было в полном порядке*).

⁶ Мы используем этот термин так, как он используется в работах по грамматике конструкций, например [Goldberg 1995]: когда семантика конструкции «вынуждает» предикат интерпретироваться определенным образом, хотя изначально это предикат не подходит для этой конструкции по своим семантическим свойствам. Глагол *копать* не градуируем; нельзя **очень копать, *немного копать* (хотя возможно *глубоко копать*). Однако семантика конструкции «навязывает» ему интерпретацию высокой степени: *как ни копала* значит 'долго, тщательно, прилагая большие усилия'.

⁷ Вообще представление о том, что предикат может «форсированно» менять значение, будучи помещен в определенные синтаксические условия, было введено существенно раньше в работе [Апресян 1967: 29–31] на примере глаголов физического

Хотя в данной конструкции возможны практически все вопросительные местоимения, частотности реализаций с разными местоимениями резко отличаются — как будет показано, в силу семантических особенностей конструкции. Ниже приводятся частотности реализаций фраземы с разными вопросительными местоимениями в Основном корпусе НКРЯ (при запросе вопросительное местоимение, *ни* на расстоянии 1, предикат на расстоянии 1).

Таблица 1

<i>Как ни</i>	9510
<i>Что ни</i>	2563
<i>Куда ни</i>	1112
<i>Сколько ни</i>	857
<i>Кто ни</i>	564
<i>Какой ни</i>	357
<i>Откуда ни</i>	309
<i>Где ни</i>	250
<i>Когда ни</i>	228

Конструкция имеет две основных интерпретации, в зависимости от *к*-слова и типа предиката, заполняющего валентность *X*:

(1) **Интерпретация «любого варианта»**

‘при любом варианте *X* имеет место *P*’

Кто ни приходил, она всем помогала

Как ни расставляли мебель, получалось некрасиво

(2) **Уступительная интерпретация**

‘*X* имеет место в высокой степени; говорящий считает, что обычно, если *X*, имеет место ситуация не-*P*; имеет место *P*’

Каким он ни был подлецом, она его любила

Сколько я ему ни объяснял, он все равно ничего не понял

Семантически уступительная интерпретация представляет собой сужение интерпретации «любого варианта» в применении к градуируемым предикатам. С градуируемыми предикатами сочетаются только местоимения, вводящие указание на шкалу: *как* (в значении ‘в высокой степени’ или ‘интенсивно’), *какой* (в значении ‘в высокой степени’), *сколько* в значении ‘долго’ или ‘интенсивно’; таким образом, чисто уступительная интерпретация возможна только для реализаций *как ни*, *какой ни*, *сколько ни*. Для *как ни* и *сколько ни* она является подавляюще частотной.

воздействия типа *валять*, *драть*, *дуть*, *жарить*, *катать*, *резать*, *садить*, *сыпать*, *хватить*, *чесать*, которые могут приобретать значения 1) типа «бить», «ударять»; 2) значение типа «идти», «бежать»; 3) значение типа «говорить», «писать»; 4) значение типа «играть», «плясать».

Из таблицы 1 видно, что реализации *как ни* и *сколько ни* более чем в три раза превосходят по частотности все остальные, что значит, что уступительная интерпретация является предпочтительной для данной конструкции. Для того, чтобы ответить на вопрос, почему это так, необходимо объяснить, каким образом происходит переход от семантики «любого варианта» к семантике уступительности.

Главная семантическая идея интерпретации «любого варианта» — отсутствие разницы между всеми возможными вариантами X с точки зрения наступления ситуации P; главная идея уступительного значения — что имеющий место неблагоприятный для P вариант X не оказывает ожидаемого воздействия и P имеет место.

Семантически эти идеи не идентичны: ср. ‘произвольно выбранный из всех возможных X’ vs. ‘такой X, который препятствует P’. Однако прагматически сочетания с квантором *любой* типа *в любом случае P, при любых обстоятельствах P, в любое время P* используются, когда необходимо подчеркнуть, что P будет иметь место даже при самых экстремальных вариантах — в самых неблагоприятных обстоятельствах, в самое неудобное время и т.д. Ср. также идиому *любой ценой*, которая имеет единственную интерпретацию ‘самой дорогой ценой, самыми трудными способами’, но не ‘самой дешевой ценой, самыми легкими способами’. Трансформацию ‘любой’ => ‘крайний, неблагоприятный, экстремальный’ легко объяснить максимой информативности: отмечать, что P имеет место при благоприятствующем варианте X, неинформативно.

Таким образом, семантическое развитие этой конструкции в сторону уступительности естественно, что и объясняет сильное преобладание реализаций с *как*: уступительная интерпретация задает идею высокой степени и, соответственно, требует градуируемых предикатов, которые вводятся шкалярным местоимением *как*. Более того, даже реализации с нешкалярными местоимениями окрашиваются уступительной количественной семантикой (ср. *Что ни делай, все без толку* = ‘Даже если делать много разного, толку не будет’). В реальном употреблении половина нешкалярных реализаций окрашена уступительной и степенной семантикой; в целом уступительные интерпретации составляют примерно 85 процентов от всех возможных реализаций этой конструкции.

Остается вопрос — почему при переходе от идеи ‘любого варианта’ к идее уступительности из двух возможных полюсов выбирается именно полюс высокой степени, т.е. почему конструкция *к-слово + ни X, P* имеет интерпретацию ‘X имеет место **в очень высокой степени**’, но не ‘X имеет место **в очень низкой степени**’; ср. возможность (5а), но не (5б):

- (3) а. *Как он ни просил (= много), она ему отказала*
б. **Как он ни просил (=мало), она согласилась*

В принципе местоимение *как* способно развивать и значение высокой степени (*Как[↑] они убрали в квартире — все сияет* = ‘очень много и хорошо’), и значение малой степени (*Да как[↓] они убрали — все так и валяется* = ‘плохо, мало’). Уступительное значение также совместимо с обоими полюсами, как показывает возможное заполнение валентностей союза *хотя*:

- (4) а. *Хотя он очень ее просил, она ему отказала*
 б. *Хотя он ее не просил, она согласилась*

Однако нестандартная конструкция *к-слово +ни* «выбирает» из двух возможных только полюс высокой степени. Представляется, что это является языковым отражением представлений о законах мироустройства, а именно:

- (5) Осуществлению события **мешают большие** препятствия, но **не помогают маленькие** препятствия, так как события прототипически каузируются **активными усилиями**, а не **слабым противодействием**

Уступительные средства фиксируют нарушения естественных ожиданий: соответственно, существование ситуации несмотря на большие препятствия фиксируется уступительными средствами, а не-существование ситуации несмотря на маленькие препятствия — нет. Почему же для союза *хотя* возможны оба типа употреблений? По-видимому, более идиоматичные нестандартные конструкции отражают специфические закономерности мироустройства в более обязательном порядке, чем более композиционные стандартные конструкции типа уступительной конструкции с союзом *хотя*. При этом и для конструкции с *хотя* более частотными будут реализации типа (ба); однако реализации типа (бб) не являются запрещенными.

2. Реализации и интерпретации конструкции *к-слово + ни X, Y с разными предикатами X*

В пределах данной работы невозможно подробно проанализировать все реализации конструкции, поэтому будет подробно рассмотрена наиболее частотная реализация *как ни* и кратко сформулированы основные результаты частотного исследования прочих реализаций. Больше половины всех реализаций *как ни* составляет реализация с прилагательными (5229 в Основном корпусе), что неудивительно, т. к. в основном сочетании с *как ни* интерпретируются уступительно, уступительная интерпретация возможна с градулируемыми предикатами, а признаки — это классические градулируемые сущности; ср. *Как ни соблазнительно было предложение, мы его отвергли, Как ни красива она была, она его совершенно не привлекала.*

2.1. Реализации *как ни + Adj*

Анализ частотностей разных прилагательных, заполняющих валентность X, дает следующую картину: примерно половину всех реализаций (2227 в Основном корпусе) составляет прилагательное *странный* в составе оборота *как ни странно*; другие достаточно частотные реализации — это синонимы

странно типа *удивительный* и *парадоксальный* в составе оборотов *как ни удивительно*, *как ни парадоксально* (314), *тяжелый* (113) и *трудный* (57), а также прилагательные *мал* (110), *велик* (84), *хороший* (55), *плохой* (47), *прискорбный* (45), *грустный* (43). На прочие реализации приходится 2158 вхождений, причем ни одна из них по частотности не превышает 0.5 процента:

Таблица 2

<i>как ни странно</i>	2227
<i>как ни удивительно,</i> <i>как ни парадоксально</i>	314
<i>как ни тяжело</i> <i>как ни трудно</i>	170
<i>мал</i>	110
<i>велик</i>	84
<i>хороший</i>	55
<i>плохой</i>	47
<i>как ни прискорбно</i>	45
<i>как ни грустно</i>	43
ПРОЧЕЕ	2158

Обращает на себя внимание сразу несколько фактов. Во-первых, у конструкции существует лексема-«фаворит», которая составляет практически половину всех ее реализаций. Этот лингвистический феномен напоминает принцип Парето (эмпирическое правило, изначально сформулированное для экономических и социологических явлений), согласно которому «20% усилий дают 80% результата, а остальные 80% усилий — лишь 20% результата» (реальные числа могут быть иными, смысл правила в том, что большая часть какой-либо деятельности обычно реализуется меньшей частью активных участников). В применении к заполнению нестандартных конструкций — большой процент реализаций образуется малым числом лексем-«фаворитов». Во-вторых, «топовые» реализации относятся к семантическим классам, которые являются классическими модификаторами уступительного значения — вероятность (*странно*, *удивительно*, *парадоксально*), степень (*мал*, *велик*), (не)желательность (*хороший*, *плохой*, *прискорбный*, *грустный*)⁸, т.е. имеет место семантическое согласование. В-третьих, большинство «топовых» реализаций — это не свободные реализации, а устойчивые вводные обороты, идиоматизированные и грамматикализованные.

Проиллюстрируем сказанное на примере вводного оборота *как ни странно*; ср.

Как ни странно, наиболее правдоподобным выглядит объяснение президентской пресс-службы («Еженедельный журнал», 2003.03.17. Оборот *как ни странно* представляет собой идиоматизированную и грамматикализованную единицу. Во-первых, *как ни странно* не представляет из себя полноценной зависимой

⁸ О семантических модификациях уступительного значения см. [В. Апресян 2006].

клаузы, а является типичным вводным оборотом, который может вставляться в практически любое место в предложении — в начало, середину или конец главной клаузы, — что затруднено для не-идиоматизированных реализаций типа *Как ни соблазнительно было предложение, мы его отвергли*. Во-вторых, в этом обороте не упоминается объект, чья странность оценивается, т. е. отсутствует полноценное выражение валентности X. По сути, оборот представляет из себя катафорическую или анафорическую единицу с эллиптированным дейктическим местоимением *это*, кореферентным ситуации P, описываемой в главной клаузе: *как (это) ни странно, P*. Таким образом, семантика конструкции *к-слово + ни + X, P* редуцируется в данной реализации до модальной рамки:

- (6) *Как ни странно (P), P* = ‘имеет место P; говорящий считает, что это очень странно’

Выражение *как ни странно, P* отражает следующий закон мироустройства:

- (7) ‘Странность ситуации является препятствием к ее существованию’

Другие «топовые» идиоматизированные реализации отражают другие законы мироустройства. Ср. оборот *как ни тяжело признавать* <*признаваться, сознавать, смириться*>, P: *Ошибки нужно исправлять, как ни тяжело это сознавать* («Воздушно-космическая оборона», 2003.04.15); «Существование» — *это только модус человеческого мышления, как ни тяжело с этим смириться* (И. Савельева, А. Полетаев); *Но у меня — как ни тяжело было тогда в том признаваться — статья эта породила, наоборот, протест и глубокую тревогу* (А. Борин), со следующим значением, также состоящим из модальной рамки:

- (8) *Как ни тяжело Y-у сознавать* <*признавать, смириться*> P, P = ‘имеет место P; говорящий считает, что Y-у неприятно P, и что поэтому Y-у тяжело сознавать, что P <*признавать P, смириться с P*>’

Этот оборот отражает крайнюю степень солипсизма в качестве закона мироустройства:

- (9) ‘Препятствием к существованию ситуации является трудность ее осознания субъектом’

Обороты *как ни грустно, как ни прискорбно* фиксируют нежелательность ситуации в качестве препятствия для ее существования.

В реализации с прилагательным *мал* препятствием к существованию ситуации P выступает очень малая степень этого существования (*Как ни мала вероятность этого события, она существует; Как ни мала эта величина, нулю она не равняется*). Опять-таки, как и в случае *как ни странно, как ни грустно, как ни тяжело* в качестве препятствия к существованию P выступает некая-то другая ситуация, а определенная оценка P, т. е. фразема в этой реализации также

представляет из себя модальную рамку. Закон мироустройства, отраженный в данной реализации фраземы, может быть сформулирован как

(10) 'Препятствием к существованию ситуации является ее малая степень'.

Реализации с антонимом *великий* (*Как ни велик X, P*) устроены совершенно асимметрично реализациям с *малый*, а именно, они представляют из себя классические примеры уступительного значения, где *велик* модифицирует общеуступительное значение по степени:

(11) *Как ни X, P* = 'имеет место X в очень высокой степени; имеет место P; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа X, то имеет место ситуация типа не-P'.

Как ни велик был соблазн вставить кассету в диктофон [X] — он лежал на рабочем столе Маревой, но Страхов его преодолел [P] (Газета (2000))

Существенная часть реализаций *как ни плохо X, P* и антонимичным им реализаций *как ни хорошо X, P* выражает оценку — а именно, хотя ситуация или объект P квалифицируются как очень плохие (очень хорошие), говорящий утверждает, что у P есть какие-то достоинства (недостатки) или что есть другие ситуации или объекты, которые еще хуже (лучше). Таким образом, эти реализации (близкие по частотности) отражают два симметричных постулата мироустройства — один оптимистичный (14), другой пессимистичный (15):

(12) 'Всегда можно найти что-то худшее; даже у самого плохого могут быть хорошие стороны'

Как ни плохо дома, все же вы у себя, среди своих (В. Теляковский, А. Южин)

Как ни плохо шинель для спанья, голые нары — хуже (В. Войнович)

(13) 'Всегда можно найти что-то лучшее; даже у самого хорошего могут быть плохие стороны'

Как ни хороша наша новогорская база, осточертели эти четыре стены (Е. Рубин).

Как ни хороша была Строци, но Трутовская в этой группе была самой сильной балериной (Л. Лопато).

Заканчивая рассмотрение реализации *как ни* + Adj, ответим, почему именно *странный* составляет львиную долю реализаций конструкции *как ни X, P*. Представляется, что это происходит в силу взаимной аттракции уступительной семантики конструкции, предназначенной для того, чтобы фиксировать странные, необычные положения вещей, и семантики прилагательного: смысл прилагательного дублирует смысл конструкции. Что касается того, почему из синонимического ряда *странный*, *необычный*, *удивительный*, *поразительный*, *парадоксальный* и пр. доминирует именно *странный*, то ответ, по-видимому, таков: из тех прилагательных, что способны к предикативному

употреблению в качестве вводных оборотов (*странно, удивительно, поразительно, парадоксально*) *странный* является доминантой и по семантическим свойствам, и по частотности (20579 вхождений *странно* в Основном корпусе vs. 10387 вхождений *удивительно* vs. 1882 вхождения *поразительно* vs. 673 вхождения *парадоксально*). Интересно, что при попадании в конструкцию *как ни* численное превосходство прилагательного *странный* над его синонимами вырастает экспоненциально.

2.2. Реализации как ни + V

Реализации *как ни* с глаголом представляют собой другую семантическую модификацию рассматриваемой конструкции. Большая часть реализаций имеет уступительную интерпретацию, с *как* в значении показателя высокой интенсивности или степени. Имеется и некоторое количество интерпретаций 'любого варианта', где *как* имеет значение способа: *Буквально каждое слово, как ни поддай его, будет подхвачено партнером* (А. Дмитриев); *Что ни скажет, — все хорошо; как ни ступит, — все ловко* (П. Ю. Львов). При этом даже интерпретации 'любого варианта' имеют уступительную окраску. Для них предлагается следующая модификация значения:

- (14) *Как ни X, P* = 'ситуация P будет иметь место при любом варианте выполнения действия X; говорящий считает, что обычно при некоторых вариантах выполнения действия X имеет место ситуация типа не-P'.

Интерпретация конструкции *как ни X, P* в значении 'любого варианта' vs. в уступительном значении коррелирует с формой (видом, временем и наклоном) глагола, заполняющего валентность X. В целом интерпретация «любого варианта» тяготеет к формам СОВ, а уступительная — к формам НЕСОВ. Это имеет семантическое объяснение: уступительность градуирует, задавая высокую степень интенсивности действия, в то время как интерпретация «любого варианта» задает перебор возможных вариантов осуществления действия. Интенсивные (и вообще градуируемые по интенсивности) действия прототипически выражаются формами НЕСОВ (*Он очень старается, Он ее сильно уговаривал*), в то время как с формами СОВ интерпретация интенсивности затруднена из-за того, что СОВ свойственно представлять действие не как континуум, а пунктивно. Кроме того, уступительные интерпретации чаще фактивны, а интерпретации 'любого варианта' чаще потенциальны, что влияет и на выбор времени и склонения. В соответствии с семантикой грамматических форм и семантикой конструкции формы и интерпретации «выбирают» друг друга — формы НЕСОВ (обычно в прошедшем времени и изъявительном склонении) дают в основном уступительную интерпретацию, формы СОВ (обычно в будущем времени или императиве) — интерпретацию «любого варианта»; ср. *Но розового куста, выращенного Хансом, как ни смотрели в промзоне, мы не увидели* (А. Приставкин) [уступительная интерпретация] vs. *На фотографии была*

другая девушка. **Как ни посмотри** (Э. Лимонов) [интерпретация «любого варианта»]. Поскольку в реализации *как ни* доминирует уступительная интерпретации, имеется четкая тенденция к доминированию форм НЕСОВ: *как ни* + НЕСОВ — 3743 вхождений в Основном корпусе, *как ни* + СОВ — 644.

Рассмотрим уступительные интерпретации конструкции. В силу категориальной семантики глагола как прототипического действия, основной массив реализаций *как ни* + V моделирует ситуации, где, несмотря на большие усилия агенса, направленные на осуществление Р, Р не осуществляется; ср. *Как он ни напрягал зрение, он ничего не увидел*:

- (15) *Как ни X, P* = ‘Агенса очень интенсивно или очень долго прилагает усилия X, чтобы осуществилась ситуация Р; ситуация Р не имеет места; говорящий считает, что обычно если прилагать усилия X, то имеет место ситуация типа Р’.

Среди глаголов, заполняющих валентность X, также определяются четкие «фавориты». Среди 3743 вхождений НЕСОВ в Основном корпусе частотности глаголов распределились следующим образом:

Таблица 3

<i>стараться</i>	562
<i>как ни крути</i>	310
<i>биться</i>	94
<i>пытаться</i>	70
<i>уговаривать</i>	54
<i>как ни верти</i>	50
<i>как волка ни корми</i>	25
ПРОЧЕЕ	2578

Как видно из таблицы, 15 процентов от всех употреблений конструкции *как ни* в НЕСОВ составляют устойчивые коллокации с глаголом *стараться* (562 вхождения), поскольку он является прототипическим обозначением усилия и, таким образом, наиболее семантически подходящим кандидатом для данной реализации конструкции; высока также доля его синонимов *биться* (94) и более «слабого» *пытаться* (70), а также иллокутивов типа *уговаривать* (54). Особый подтип этой интерпретации представляют идиомы — *как ни крути* (310) и ее синоним *как ни верти* (50), где уступительное значение трансформируется в модальную рамку, близкую по смыслу оборотам *как ни тяжело это признать*, *как ни прискорбно* и т.п.; ср. *Это ведь, как ни крути, воровство* (М. Сергеев). Ср. предлагаемую модификацию толкования:

- (16) Говорящий считает, что ситуация Р нежелательна и что поэтому адресат может рассматривать ситуацию как не-Р; говорящий считает, что при любом способе рассмотрения можно утверждать, что ситуация Р имеет место’.

Еще одна идиома в этой реализации — *как волка ни корми (все равно он в лес смотрит)*, где значение интенсивности трансформируется в значение количества (25 вхождений). Итак, хотя глагольные реализации *как ни* несколько менее лексикализованы, чем реализации с прилагательными, тем не менее треть всех употреблений приходится на устойчивые коллокации или идиомы с несколькими лексемами-«фаворитами», т. е. наблюдается та же тенденция, что и с прилагательными.

3. Лексемы-«фавориты» и идиомы в других реализациях конструкции *к-слово + ни X, P*

Реализации конструкции с другими *к-словами* демонстрируют те же тенденции — большой процент реализаций «задействует» маленькое количество лексем-«фаворитов», реализации с лексемами-«фаворитами» представляют собой устойчивые коллокации или оценочные идиоматизированные и грамматикализованные обороты с редуцированной валентностью *X*. Выбор предикатов-«фаворитов» в устойчивых коллокациях регулируется семантической аттракцией; для данной конструкции, в силу ее уступительного значения, это — конативы и иллокутивы, т. е. слова со значением попытки и усилия.

В реализации *что ни X, P* «фаворитом» является лексема *говорить (сказать)*, которая в составе идиоматического вводного оборота *что ни говори* составляет 30 процентов (763) от всех встретившихся в Основном корпусе вхождений *что ни* (2563). Ее значение близко значениям других идиоматических реализаций этой конструкции, особенно *как ни крути*; ср. *Паршивая штука — старость. Что ни говори, паршивая* (И. Муравьева). Оно также состоит из модальной рамки:

- (17) 'Товорящий считает, что ситуация *P* нежелательна и что поэтому адресат может привести возражения против того, что *P* имеет место; говорящий считает, что при любых возражениях можно утверждать, что ситуация *P* имеет место'.

В реализации *сколько ни X, P* (всего 1291 вхождений) «фаворитом» является конатив *стараться* (101) и другие конативы — *пытаться, биться* и пр. (137), а также иллокутивы — *говорить, уговаривать* и пр. (91), которые образуют устойчивые коллокации с общим для уступительных глагольных реализаций значением:

- (18) *Сколько ни X, P* = 'Агенса очень интенсивно или очень долго прилагает усилия *X*, чтобы осуществилась ситуация *P*; ситуация *P* не имеет места; говорящий считает, что обычно если прилагать усилия *X*, то имеет место ситуация типа *P*'.

Вместе с поговорцей *сколько волка ни корми (он все равно в лес смотрит)* (22 вхождения), «фавориты» составляют около трети от всех реализаций *сколько ни*.

Наконец, в реализации *куда ни* (1112 вхождений) «фавориты» — идиомы *куда ни кинь (езде клин)* (125), *куда ни плюнь* (37), а также идиоматизированные обороты *куда ни посмотри* с другими вариантами глаголов целенаправленного визуального восприятия (303) и *куда ни пойдешь* с другими вариантами глаголов перемещения (249) — составляют 64 процента от всех реализаций. Все они имеют редуцированную валентность X и общее значение ‘езде’; ср. примеры *Куда ни плюнь, или пивной ларек, или круглосуточный магазинчик, забитый паленой водкой* (М. Хайруллин); *Куда ни посмотри, всё одно железо и камень!* (Ю. Домбровский); *Одна беда: куда ни пойдешь — везде высокие дощатые заборы правительственных дач* (М. Поповский). Добавляется также отрицательный оценочный компонент значения:

- (19) ‘Нежелательная ситуация P будет иметь или имеет место во всех местах; говорящий считает, что обычно или хорошо, чтобы в некоторых местах имела место ситуация типа не-P’

Общий закон мироустройства, который отражен в этой интерпретации ‘обычно в разных местах наблюдается разное положение вещей; если одно и то же положение вещей наблюдается везде — это необычно или плохо’.

4. Заключение

Представляется, что приведенные в работе данные по поводу неоднородного заполнения нестандартной конструкции *к-слово + ни X, P*, с идиоматизацией и грамматикализацией наиболее частотных сочетаний, составляющих львиную долю всех реальных реализаций конструкции в узусе, можно обобщить. В работе выдвигается гипотеза о том, что это явление носит достаточно универсальный характер для нестандартных конструкций, позволяя выделить этот тип лингвистических объектов в отдельный класс. Приведем другие примеры того же явления на материале некоторых других нестандартных конструкций. Существует уступительная конструкция с повтором существительного вида *X-ом, а Y (Y-ом)* [Булыгина, Шмелев 1997], [В. Апресян 2006], [Июмдин 2010], со смыслом ‘Хотя говорящий признает важность X-а, Y тоже важен; Y не зависит или не должен зависеть от X-а’; ср. *Работа работой, а отдыхать тоже нужно; Воспитание воспитанием, а генетика генетикой*. «Фаворитом» заполнения этой конструкции служит идиома *Дружба дружбой (а служба службой/а табачок врозь)* (72 вхождения в Основном корпусе), в которой сталкиваются два важных (в русской языковой картине мира) явления, которые в идеале не должны влиять друг на друга, но в реальности, по-видимому, влияют — дружеские и рабочие отношения между людьми. Интересно, что в английском языке нет ее полноценного фразеологического соответствия; вариант перевода, приводимый в словаре Любенской [Lubensky 2004] — *business and friendship don't mix* — отсутствует в корпусе COCA, хотя есть в Google — но в 15 раз реже, чем фраза *дружба дружбой*. Эти данные приводятся в качестве подтверждения тезиса

о том, что приобретение тем или иным заполнением ранга «фаворита» и последующая идиоматизация сочетания с ним коррелирует не только с семантикой конструкции и лексем-заполнителей, но и с языковой картиной мира.

Есть и другие примеры нестандартных конструкций с идиоматизацией заполнений-«фаворитов»; ср. уступительную конструкцию *при всем X-е*, 30 процентов всех реализаций которой составляют три идиомы — *при всем том, при всем желании, при всем уважении*. Итак, обобщая, можно сделать следующие выводы из данного корпусного исследования: (1) некоторые идиомы и грамматические единицы изначально представляют собой частотных «фаворитов» заполнения нестандартных конструкций, «обслуживающих» большой процент реализаций конструкции; (2) на выбор «фаворитов» влияет взаимная аттракция (семантическое согласование) семантики конструкции и заполняющей лексики, а также особенности языковой картины мира, в которой отражены общие законы мироустройства, представленные в языке.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
2. Апресян В. Ю. Уступительность в языке // Лингвистическая картина мира и системная лексикография. Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2006. с. 615–712.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. Под ред. Апресян Ю. Д. Языки славянских культур. М., 2010. с. 141–190.
5. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. Языки славянских культур. М., 2007.
6. Лауфер Н. И. Линеаризация компонентов сочинительной конструкции. В: Кибрик А. Е., Нариньяни А. С. (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука. 1987. с. 167–176.
7. Пекелис О. Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.
8. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.
9. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Языки славянских культур. М., 2011.

References

1. *Apresyan V. Yu.* Ustupitel'nost' v jazyke [Concession in language]. *Lingvistiches-kaja kartina mira i sistemnaja leksikografija* [Linguistic worldview and systemic lexicography]. Apresyan Yu. D. (ed.). Moscow, 2006. pp. 615–712.
2. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* Jazykovaja kontseptualizatsija mira (na materiale russoj grammatiki). [Linguistic conceptualization of the world (on the material of the Russian grammar)]. Moscow, 1997.
3. *Iomdin L.* Sintaksičeskie frazemy: meždu leksikoj i sintaksisom [Syntactic phrasemes: between lexicon and syntax]. In *Teoretičeskie problemy russskogo sintaksisa : vzaimodejstvie grammatiki i slovarja*, Apresjan Ju. (ed.). [Theoretical issues in Russian syntax: interaction of grammar and dictionary]. *Jazyki slavjanskix kul'tur*. Moscow, 2010. pp. 141–190.
4. *Jordanskaja L., Mel'čuk I.* 2007. Smysl i sočetajemost' v slovare. [Meaning and co-occurrence in dictionary]. *Jazyki slavjanskix kul'tur*. Moscow.
5. *Espinal T., Mateu J.* Argument Structure and Compositionality in Idiomatic Constructions. *The Linguistic Review*. 24:1. 2007. 33–59.
6. *Fillmore C. J., Kay P. & M. C. O'Connor.* 1988. Regularity and Idiomacity in Grammatical Constructions: the Case of Let Alone. *Language*. 502 (64, 3). 501–538.
7. *Goldberg, A.* Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
8. *Jackendoff, R.* 1997. Twistin' the Night Away. *Language* 67. 320–338.
9. *Laufer N. I.* Linearizacija komponentov sočinitel'noj konstrukcii [Linearization of components of coordinative conjunction]. V: *Kibrik A. E., Narin'jani A. S.* (eds.). *Modelirovanije jazykovoju dejatel'nosti v intellektual'nyx sistemax* [Modeling of linguistic activity in intellectual systems]. Nauka. Moscow. 1987. p. 167–176.
10. *Lubensky S.* 2004. *Random House Russian-English Dictionary of Idioms*. New York.
11. *McGinnis, M.* On the Systematic Aspect of Idioms. *Linguistic Inquiry* 33:4. 2002. 665–672.
12. *Nunberg, G., Sag I., Wasow T.* Idioms. *Language* 70. 1994. 491–538. *Pekelis O. E.* Sočinenije. [Conjunction]. *Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). [Materials for the project of corpus description of Russian grammar]. Moscow, 2013.
13. *Sannikov V. Z.* *Russkie sočinitel'nye konstrukcii. Semantika, Pragmatika. Sintaksis.* [Russian coordinative constructions. Semantics. Pragmatics. Syntax]. Moscow. 1989.
14. *Uryson E. V.* *Opyt opisanija semantiki sojuzov.* [At attempt at describing the semantics of conjunctions]. *Jazyki slavjanskix kul'tur*. Moscow. 2011.